

купи книгу
посади
дерево

АЛЛА ЛЭНД

ДЕНЬ
НА
ПЕРЕСАДКЕ

МОСКВА
2022

Наиболее важный вопрос для человечества — дружественная ли среда наша Вселенная? От ответа на этот вопрос зависит, проведем ли мы свою жизнь строя мосты или стены.

Альберт Эйнштейн

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	7
Вечер перед пересадкой.	11
Глава 1. Москва – Нью-Йорк	13
Глава 2. Ванкувер. Первые дни эмиграции	18
Глава 3. Переезд в Кутней. Знакомство с духоворами.	27
Встреча с оленем.	48
Глава 4. Гавайи, или Неожиданная инициация.	52
Мауи	59
Большой остров.	68
Каилуа-Кона.	69
Хило	79
Глава 5. Израиль, или Иногда плакать не получается даже у Стены Плача	87
Пересадка. Исландия	93
Пересадка. Гренландия.	96
Глава 6. Возвращение в Канаду, или Почему я ненавижу укулеле	97
Глава 7. Остров Ванкувер, вековые деревья и киты. Подарки жизни.	107
Встреча с китом.	109
Глава 8. Сиэтл, Орегон – Сан-Франциско и немного «Нирваны»	116
Глава 9. Швеция. В гостях у Астрид Линдгрэн.	124
Глава 10. Бразилия. День рождения у статуи Иисуса Христа и уроки любви.	131
Глава 11. Алтай. Сибирский шаман. Путешествие к началу начал.	143
Алтай.	150
Глава 12. Мексика. Матросом по волнам Тихого океана и уроки Свободы	156
Мексиканские Галапагосы, или Исла Изабелла	162
Песнь кита	163
Дуранго, столица скорпионов.	167
Юкатан. Дорогой в Шибальбу	169
Глава 13. Майами. Американская мечта, или Как я задолжала Тони Роббинсону триста долларов	173
Каймановы острова. Офшорная зона.	184
Глава 14. Пуэрто-Рико. Новое счастье в старом Сан-Хуане	188
Пересадка. Нью-Йорк.	198

Глава 15. Азорские острова. Неожиданная свадьба на прекрасных берегах	201
Флориш. Алхимия красоты.	208
Пересадка. Лиссабон	214
Пересадка. Париж	215
Глава 16. Китай. Казнить нельзя помиловать	217
Как я смогла попасть на Великую Китайскую стену, но не в китайские бани	220
По следам «Аватара», или Прощание в парке Чжанцзяцзе.	226
Деревня Хуанлу, где я оставила свои детские волосы	238
Гуйлинь	241
Глава 17. Ухань. Город, после которого ни я, ни весь мир не будут прежними.	243
Глава 18. Аляска Хайвей. За ответами на Север	250
Под северными звездами на берегу южного моря.	265
Утро после пересадки.	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуй, дорогой читатель!

На всякий случай хочу извиниться, что обращаюсь на «ты». В этом нет для меня панибратства, скорее дружеское тепло, ведь я знаю точно: в случайные руки эта книга не попадет!

Ты держишь в руках книгу о необычной кругосветке, которая началась осенью 2013 года, когда я вышла из дома с одним чемоданом да парой тысяч долларов, зашитых в кармашек на трусах. До сих пор помню, как давила мне молния от этого кармашка в самолете, летящем по направлению «Москва — Нью-Йорк» в один конец. Закончилось мое путешествие зимой в 2019 году в Ухане, Китай. Именно там я получила ответы на вопросы: как и зачем жить дальше? Публикация этой книги, которая посадит дерево, часть плана, пришедшего ко мне после путешествия.

Ах, забыла представиться: меня зовут Алла. Мама меня назвала в честь советской певицы, что мне очень не нравилось. Но однажды я узнала, что Алла по-индонезийски означает «Лес». Таким образом, мое имя Алла Лэнд означает «Страна Лесов». Забавно, что мама, совершенно не зная моего будущего, дала мне самое правильное имя, ведь каждая книга сажает дерево. Поэтому мне очень хочется, чтобы она вам понравилась и мы вместе создали эту страну. Страну Лесов.

Мне кажется, что в мире слишком много срубленных обстоятельствами людей с потухшими глазами, как и срубленных деревьев. Вот это я и мечтаю немного изменить и верю, что один человек может повлиять на мир. Пусть для начала всего лишь на свой.

Покинула я дом скорее от отчаяния, чем от жажды приключений. Да и дома-то на самом деле не было: ипотечную квартиру, где я жила с сыном, мне пришлось продать. На нашу семью налетел ураган неожиданных тяжелых событий и буквально вырвал с корнями всю мою жизнь до. И мне не осталось ничего, как отправиться по дороге из желтого кирпича на поиск дома, не имея понятия, куда его унес ураган. Как в той сказке про волшебника из страны Оз и Дороти.

«Расскажи лучше, как так можно решиться выйти из дома с одним чемоданом? А главное зачем?» — можешь спросить ты.

«Люди решаются на многое, лишь бы не выйти в окно», — отвечу я.

Моя книга — попытка описать тот удивительный диалог с миром, который случился однажды, когда я потеряла все: возможность видеться с сыном, любимого человека, все финансовые сбережения и здоровье родных людей.

Эта книга о моем поиске чуда и живой воды.

Эта книга — мой способ сказать спасибо доброте людей по всей планете. Именно незнакомцы часто были теми ангелами-хранителями, помогавшими проживать каждый новый день и не сдаваться.

Эта книга об опыте одиночной эмиграции русской девушки из России в Канаду, о том, как я училась склеивать разбитое сердце, о детской мечте и путешествиях.

Эта книга о материнской любви, которую мне пришлось учиться проявлять в разлуке с ребенком.

Эта книга о бессилии обычного человека перед государственной машиной, когда ты не можешь быть рядом с тем, кого любишь, из-за отсутствия виз, а ребенка у матери можно просто отобрать, если есть деньги и связи.

Эта книга о любви. О моей первой школьной любви и ее неожиданном продолжении, которое произошло благодаря случайной встрече в самолете спустя десять лет после расставания.

Когда я потеряла практически все, произошла моя пересадка — моя личная трансформация.

Я вышла однажды из дома и улетела к океану с билетом в один конец. Без плана, без знания языка, людей на новом континенте и без денег.

Я не ожидала, что буду жить среди духоборов, которых привез Лев Толстой в Канаду. Не ожидала, что стану путешествовать на яхте по океану у берегов Мексики, встречу день рождения в Бразилии, попаду в шторм в Исландии и на церемонию к шаману в Сибирь. Не ожидала, что окажусь в Ухане. Именно там я поняла, что впереди нас ждут очень сложные времена, наблюдая за горами пластикового мусора и смогом, из-за которого люди ходили в масках. Единственным сувениром, привезенным из Уханя, была маска — как напоминание о том, что мне повезло жить без нее. Конечно, я тогда не знала, что спустя год маски наденет весь мир.

День на пересадке случился у всей планеты, новая реальность поставила новые вопросы. А моя книга — ответ, который получила на свои вопросы я.

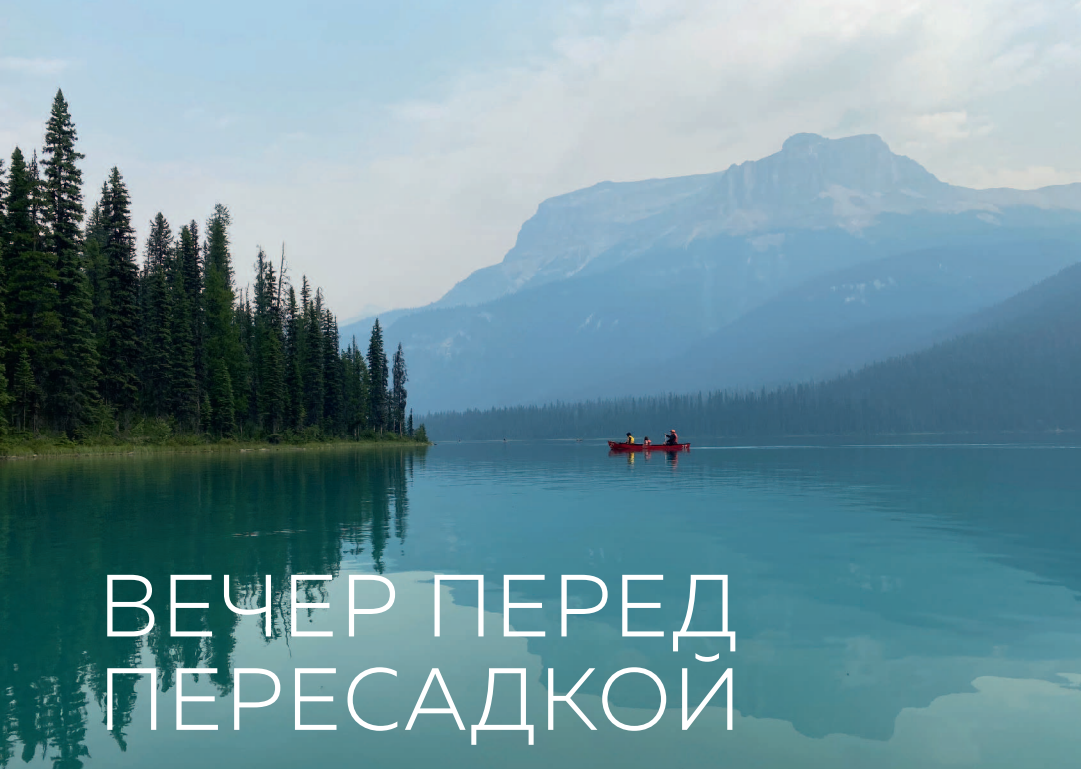
Эта книга посадит твое дерево на планете Земля. Твое дерево ей очень нужно!

Поэтому, если ты вдруг прочитал книгу, не покупая ее, но хочешь, чтобы твое дерево тоже было посажено, я буду рада сделать это тут: www.alla.land

Это живая книга, и я верю, что мы встретились не случайно.
Never stop treeming!

Алла Лэнд

ВЕЧЕР ПЕРЕД ПЕРЕСАДКОЙ

«Ну все, я поехала! Люблю тебя, солныш!» — буднично и нежно позвонила мне Анна перед трансплантацией. И вышла из сети.

Как я описала бы сестру, если бы меня попросили?

Однажды мои мама и папа родили девочку. Кудрявую и упрямую фантазерку. Посмотрели они на нее и решили родить еще одну, даже лучше: так появилась моя красавица-сестра. Высокая, стройная, невероятно нежная. И такая храбрая.

В двадцать пять лет Анне потребовалась серьезная операция, и вот наконец, спустя несколько лет подготовки к операции, врачи разрешили ей сделать трансплантацию.

Ту ночь на ее пересадке помню как сейчас.

Маленькая съемная комнатка-келья, затерянная в горах Британской Колумбии. Лампа на стареньком деревянном столике. Учебники. Сложенные свитера и джинсы. Вот и вся моя собственность в 30 лет. Все, что поместилось в чемодан на рейс Москва — Нью-Йорк. Двадцать три килограмма багажа официально значилось в билете на самолет по маршруту в новую реальность.

Что бы ты взяла с собой? Из жизни, где было все: семья, любовь, сын, дом и тридцать лет за плечами? И вдруг за тобой при-

шли. Да, именно пришли: я слабо верю, что пережить то, что довелось нашей семье, возможно по доброй воле.

Так вот, за тобой пришли и говорят: твоя миссия тут закончена. Собирай двадцать три килограмма скарба и давай. На пересадку.

Может, я фантазерка, а может, мне проще объяснить свое желание поделиться собственной историей, выдумав ее полезность для читателя; но мне чуется, что на этапе пересадки мы оказались всей планетой.

Нашей цивилизации предстоит как будто оторваться от тектонической плиты привычной жизни общества потребления и, может быть, однажды приземлиться на новой Земле. Но назад пути нет. Впереди новое время.

Однажды в Майами, в ботаническом саду, я прочла цитату Тома Хидлстона: «У человека две жизни, и вторая начинается, когда мы понимаем, что жизнь всего одна». Эта фраза меня очень взволновала.

Позволю себе наглость переиначить ее: «У человека есть возможность родиться дважды. Первый раз, когда ему дают жизнь родители, а на воспитание влияет общество. А второй раз, когда он может родиться сам с поддержкой акушерки Жизни. А это значит, вытуживать каждый свой вздох самостоятельно и не терять сознания от дикой боли родовых схваток, даже если иногда каждый твой выдох проносится воем по полям». Ведь многие люди только делают вид, что живут. По-настоящему рожденных на Земле все еще очень мало. Это путь, на который ступают не все, он довольно одинокий, на нем нет гарантий. Но хоть раз пожив той самой жизнью, любую другую будешь ощущать как пластиковую подделку.

Это история о моем личном дне на пересадке, продлившемся семь лет.

Историю я напишу словами, а мечту заложу между строк.

В таких книгах все главное всегда между строк. В том, что будет приходить к тебе в те часы, когда ты не станешь ее читать.

В эту комнату, в ночь, когда Анне делали пересадку почки, мы однажды еще вернемся. Но скажу сразу: пересадка прошла успешно, потому что там был главный компонент любой пересадки из старого в новое — любовь.

ГЛАВА 1 МОСКВА- НЬЮ-ЙОРК

*Цена за возможность наблюдать свое
новое рождение обычно очень высока.*

Я сидела в самолете, постоянно ощущая на животе молнию от кармашка на трусах, который мама пришила, чтобы положить туда все мои сбережения — несколько тысяч долларов, оставшихся от продажи квартиры. Их мне хватило бы на обучение языку в Канаде, аренду комнаты и еду на несколько месяцев. Дальше планов не было. Как и денег на обратный билет.

Но боль внутри и чувство незащитности жгли меня изнутри, как раскаленное масло. Мне хотелось выплюнуть его, выдохнуть, сделать с ним хоть что-то. И единственным местом, где, мне казалось, я смогу это сделать, были вековые леса Британской Колумбии и Тихий океан. Там меня никто не знал и никто не говорил на моем языке.

Меня не пугало будущее и трудности, связанные с жизнью в чужой стране без языка и денег. Скорее я искала их, надеясь, что боль о том, что изменить не могу, будет жечь чуть меньше.

Я не знаю, что испытывает космонавт, когда за ним закрывается люк корабля перед полетом в неизвестность; но, когда захлопнулась дверь моего самолета, у меня закружилась голова, перехватило дыхание и затошнило одновременно. Не успела я прийти в себя, как уже оказалась среди облаков, вцепившись в подлокотники кресла, ни разу не встав в туалет, не съев ни кусочка еды. Меня просто парализовало от всего происходящего. Очнулась я уже на таможне в Америке, когда пышногрудая афроамериканка позвала меня последовать за ней.

—Ma'am? What do you have in your underpants?¹ — спросила она, показывая на мою промежность.

У меня сжалось все внутри еще больше: неужели отберут и эти деньги?

—Ma'am, please show me what you have in your underpants! — строго сказала она еще раз, и я поняла, что шутки плохи: надо достать все деньги. Я расстегнула молнию на трусиках и вытащила доллары из кармана, протянув их ей.

Она пересчитала их и спросила:

—Under 10 000 US?²

Я кивнула, не очень понимая, что происходит. А таможенница, убедившись, что закон я не нарушила, протянула деньги обратно и поставила мне первый штамп в паспорт.

¹ Мэм, что у вас в нижнем белье?

² До 10 000 долларов?

— Welcome to USA, ma'am!

И вот я в Нью-Йорке.

Со странным ощущением бесконечного дня, которое бывает в межконтинентальных перелетах, когда твой день или твоя ночь вдруг делятся целые сутки.

Я сняла комнату в доме где-то в Бруклине, недалеко от метро. Хозяйкой оказалась добродушная афроамериканка, которая тепло приветствовала меня, одновременно крича что-то своему сыну-подростку, играющему в компьютерную игру, сгоняя кошку со стола и разговаривая по телефону. Мне вручили ключ от простой комнатки в подвале с лампочкой-вентилятором. Закрыв дверь, я легла на кровать и, помню, долго рассматривала крутящийся вентилятор.

Неужели я действительно сделала это? Прилетела на другой конец планеты одна, без билета обратно? Совершенно новое ощущение, что ты и не знала человека, в теле которого прожила столько лет, бродило во мне, пока я не провалилась, наконец, в долгий сон. Проснулась я только на следующий день. Перед полетом в Канаду у меня было несколько дней, которые я провела на своей первой долгой пересадке, знакомясь с Нью-Йорком.

Наверное, от того, что я не была ни путешественницей, ни журналисткой, а просто искренне пыталась пережить и понять происходящее в жизни, мои отношения с городами и странами сложились удивительным образом: я будто узнавала их не по туристическим маршрутам и достопримечательностям, а так, как они сами хотели быть увиденными. А может, оттого, что мне просто было одиноко, я начала невольно оживлять то, что видела? Города и страны сделались для меня такими же живыми существами, как и их жители. Нью-Йорк, который стал одним из самых частых городов на пересадке, такой разный при каждой встрече. Нью-Йорк однозначно один из самых харизматичных городов, которые я увидела.

Надо сказать, все мои познания об Америке сводились лишь к обрывкам информации из новостей, мечтательному придыханию некоторых знакомых, мечтавших туда уехать, да любимым фильмам и книгам. Мужчины в Америке мне представлялись улыбчивыми счастливыми с белыми зубами из кино, а женщины — дерзкими красотками, ищущими любовь. Зная свой страх полетов, я даже и не мечтала об Америке. Попав в Нью-

Йорк, испытала удивление от всего: от огромных упаковок еды в магазинах до желтых такси и вывесок метро. Куда же пойти в Нью-Йорке в первый день? Конечно, в Центральный парк!

Разобравшись со схемой подземки, я выходила по утрам из своей комнаты в кирпичном таунхаусе в Бруклине, разглядывая по дороге просыпающихся американцев, развозящих детей по школам, выгуливающих собак, а также очереди в кофейне. Бегуны в парке, мамы с колясками, школьники с рюкзаками, сигналы автомобилей, спешащие люди, витрины известных магазинов, знакомые деревья и даже утки, похожие на уток в России.

Моим самым большим удивлением от Америки было то, что на самом деле тут была такая же обычная жизнь, как и дома. А люди были такими же людьми, с эмоциями, делами и трудностями, просто говорящими на другом языке. Я неловко изъяснялась на английском, просто показывая руками на предметы и произнося одно слово или просьбу, и меня понимали. Это, наверное, странные радости, но, представив себя на минуту на другой планете, среди инопланетян, какими мне казались далекие американцы, я вдруг поняла, что нет — это все же планета людей. Так примерно я ощущала себя в те дни.

Впервые за свою жизнь я неожиданно оказалась свободна: меня никто нигде не ждал, только обучение английскому языку в Канаде через неделю. Я удивленно поняла, что никогда не сидела на лавочке и не наблюдала за утками, вечно куда-то спешила. В общем, первые дни в Нью-Йорке были днями сплошных прогулок по улицам и наблюдений за людьми. Почти каждая улица и каждый район были мне знакомы из книг и фильмов. «Ах, вот ты какой, Манхэттен! О, Бруклинский мост! Таймсквер!»

Я пила кофе по утрам, как американцы, говорила всем thank you, sorry, you are welcome и улыбалась. То ли теплые солнечные деньки сентября подействовали, то ли растущая в себе уверенность, что раз я справилась на пересадке в Нью-Йорке, то и в Канаде разберусь.

Моим пунктом назначения был Ванкувер, где я вышла из самолета более спокойной и уверенной, понимая, что я все так же на планете людей, а значит, как-то смогу решать и дальше. Вый-

дя за пределы своей привычной реальности, я словно познакомилась с новой собой. Более смелой собой. И более живой.

К чему я привыкнуть не могла, так это желать спокойной ночи любимым людям по утрам.

ГЛАВА 2 ВАНКУВЕР

*Из двух дорог выбирай
ту, которую не сможешь
повторить.*

Первые дни эмиграции

Из аэропорта я отправилась в съемную комнатку, которую предоставила мне школа английского языка. Комната оказалась в большом старинном доме со скрипучими половицами, забором, поросшим мхом от влажности, и огромной елью, накрывающей ветвями весь дом. По ночам к нам приходил енот исследовать мусорные баки для еды. Соседние комнаты снимали веселые испанцы Рикардо и Серхио, которые, как и я, приехали в Канаду учить английский язык. Они постоянно затевали шумные вечеринки, по-родственному подъедали мои продукты, занимали ванную по вечерам и громко хохотали. У меня не было студенческой молодости: всю юность я растила сына, поэтому новым для меня стал не только английский язык, но и студенческая жизнь.

Сейчас мне кажется, что именно шумные соседи, енот, будивший весь дом по ночам, необходимость ездить каждый день по часу в одну сторону на занятия в языковую школу, выполнять домашние задания, возможность после занятий сидеть у океана — всё это и стало тем самым ангелом-хранителем, который уберег меня от первых, самых страшных месяцев одиночества.

Одиночество бывает очень разных вкусов. Есть одиночество среди людей; одиночество расставания с самыми близкими; есть одиночество, когда ты расстался с прошлой жизнью и дороги обратно нет; есть особый, самый тяжелый вид одиночества, когда вы оказались с дорогим человеком по разные берега океана, жизни и смерти, любви и разлуки. Так получилось, что в сентябре 2013 года мне пришлось испытать одновременно все эти виды одиночества. Но Канада подарила еще и новые оттенки одиночества: когда не можешь использовать язык, на котором привыкла изъясняться, и не имеешь возможности работать.

Туалет, смывающийся совсем иначе, чем дома, огромные упаковки еды, новые способы покупки билетов на автобус, новые ароматы воздуха по утрам и абсолютная неизвестность. В эти дни в сентябре я оказалась в самом центре удивительного опыта: я одновременно умирала вместе с моей прошлой жизнью, забывая свой дом, куда больше никогда не попаду, забывая, как это кричать сыну из кухни: «Завтрак готов!» — и обнимать его, сонного, по утрам, забывая, как это — любоваться пальцами любимого, скользящими по струнам гитары, забывая себя. Я никогда не думала, что я — это всего лишь запахи, дела, мечты и планы, окружающие меня каждый день. Я — это люди рядом. А что такое «я» вне всего привычного с рождения, я и не знала.

Эти дни в сентябре поместили меня в центр удивительного опыта: мне резко пришлось родиться в совершенно новой жизни, в новом часовом поясе, в новом языке и новых правилах жизни. Именно интенсивность этого нового рождения и стала моим спасением. Мне кажется, что новый язык и роль эмигрантки дались мне так легко как раз потому, что не осталось места, куда я могу вернуться.

Утро было моим самым любимым временем дня: хрустящий свежий воздух Ванкувера, горячий кофе в железной кружке с собой (я быстро обучилась у местных жителей привычке носить

с собой бутылку для воды и многоразовую кофейную кружку), учебники в рюкзаке, кеды, джинсы — и мы вылетаем с испанцами на автобус.

Я рассматриваю людей в общественном транспорте и удивляюсь многонациональности Канады. Азиатские пенсионерки, студенты из Индии, аккуратно причесанные клерки в вычищенных ботинках, спортивные девушки, спешащие на практику с ковриками для йоги за спиной, школьники, инвалиды, для которых автобус специально «присаживался», чтобы коляска могла въехать по пандусу. И все это среди английской речи, которая звучала для меня, как шум пчел.

Мы вбегали в школу на занятия почти в восемь утра, и я окуналась в предлоги, времена и искусство артиклей, училась вести презентацию и писать эссе на английском. Стать снова студенткой в тридцать лет было наилучшим решением: блуждание в лабиринтах английской грамматики и произношения было чудесным способом забыть о заботах взрослой жизни. Примерно к двум часам дня заканчивались наши занятия, как и заканчивались мои силы на изучение нового языка. Так как все вокруг было на английском, мозг, вначале воспринимавший это все как большое приключение, спустя месяц стал очень уставать, и мне было необходимо буквально сбежать от людей, чтобы не слышать больше чужой речи. Моя дорога к океану лежала через самый центр города, чистый, будто с картинки, где стеклянные небоскребы отражают небо, и ты будто не идешь по улицам, а плывешь сквозь облака. Но спустя несколько месяцев жизни в Ванкувере понимаю, что это город контрастов. С одной стороны, роскошный, вылизанный ежедневными стараниями уборщиков, с виднеющимися буквально с каждой улицы заснеженными горами и океаном в центре города. Город из леса небоскребов, парков и ресторанов выглядит как город небожителей. Сколько же нужно зарабатывать, чтобы жить в этом красивейшем городе свободно, не печалась о будущем? Кто эти люди, живущие в этих квартирах с видом на океан по цене авиалайнера?

А на соседней улице, куда забредаю случайно, вдруг оказываешься в царстве бездомных людей, человеческих тел, спящих на улице, и пустых стеклянных глаз тех, кто уже давно сидит на наркотиках.

Страшный фасад одного из самых желанных для жизни городов мира, как и цены на жилье в этом городе грез, не соответствующие заработной плате, лишили меня всех иллюзий об эмиграции. Больше жить просто и безопасно в этом мире уже не будет нигде.

Просто было мне только у океана. Туда я уходила каждый день, подальше от людей.

Возле океана и в дождь, и в ясную погоду я проводила все свои послеобеденные часы. Я не могла думать ни о прошлом, ни о будущем, не могла никому позвонить, так как все, кого знала, спали на другом конце Земли. Чтобы не бояться и не горевать, я нюхала водоросли, кидала камни в воду, часами наблюдала за облаками и кораблями на горизонте, а если везло, то и за невероятными закатами.

Идти в душ, прыгать с разбегу в реку с головой, сидеть у морского берега часами было всегда моим спасением. Когда я впервые увидела океан, внутри будто отворили клетку, в которой я жила все эти долгие годы. Я и не знала, что мои легкие умеют вдыхать гораздо больше воздуха, чем я привыкла, я и не знала, что этот запах водорослей, соленого воздуха и бесконечность горизонта, будто старинный друг, всегда готовы к встрече.

Ритмичный шум океана успокаивал сердце и уставшую голову, часто убаюкивая меня прямо там, в городском парке. Эти послеобеденные часы, когда я была ракушкой у берега океана, стали моими самыми любимыми.

Отдохнув, я спешила на вечерний автобус к своей привычной рутине: ужин, занятия до поздней ночи, звонок домой и долгая попытка уснуть под возню енота в мусорном баке у дверей.

О моей прошлой жизни напоминал лишь телефон. Который молчал. Свой телефон я проверяла каждый вечер в надежде, что моя прошлая жизнь позвонит и я увижу желанный номер на экране, в надежде, что сын ответит однажды на мои звонки, которые, как гудок корабля, таяли где-то в безбрежном океане сотовой связи без ответа.

Когда наступил период дождей, который смыл мое первое очарование Ванкувером и сделал невозможными мои многочисленные океанские передышки, я стала испытывать приливы тоски и ужаса, которые накрывали меня. Иногда приступы тошноты то в автобусе, среди незнакомцев, то на кассе у магазина,

когда я видела, как быстро тают деньги, хотя старалась жить очень экономно. В такие дни я искала билеты домой. И, возможно, улетела бы. Если бы не бразильцы.

Когда я встретила Дженнифер на одном из занятий английским и мы разговорились, я почувствовала, что встретила родного человека. Хоть наши разговоры были просты, потому что английский язык мы обе только учили, но и без слов было ясно: нам хорошо вместе. До встречи с Дженнифер иностранцы мне казались инопланетянами, лишь внешне похожими на людей. Никакой связи с ними я не ощущала, просто с любопытством рассматривала, как они живут. Я думаю, с похожим любопытством я рассматривала бы и марсиан, попади на Марс. А с Дженнифер случилось чудо: мы коснулись самой сути друг друга, где язык не важен, нам просто было хорошо даже молчать вместе. Дженнифер была из Бразилии. Красивая, энергичная, похожая на итальянку, она меня закружила, словно в танце, выпустила в свой мир, скрасив серые ноябрьские дни.

Жила Дженнифер в однокомнатных апартаментах одного из самых роскошных зданий даунтауна с пятью друзьями. Количество бразильцев на квадратный метр, а также смеха на маленькой кухне, гостей и матрасов для сна значительно превышало нормы, разрешенные канадскими жилищными службами. Меня постоянно обнимали, приветствуя, расспрашивали о России и даже приглашали на свидания. Как младенец, сжатый стенками матки и находящийся в тесноте, но получающий все необходимое для жизни через пуповину заботливой плаценты, в те дождливые дни, в тесноте этой комнатки, но в бережном внимании бразильцев, я получала внимание и еду в виде риса, бобов и дешевого пива. Помогли мне бразильцы и с работой: держась все время вместе и сообщая друг другу о подработках, все они были постоянно чем-то заняты. Я же, не имея права работать официально, то помогала Дженнифер обслуживать приемы в индийских ресторанах, то убирать апартаменты, а она делилась со мной деньгами или оплачивала мои счета в супермаркете в благодарность. Я прекрасно понимала, что до получения официального разрешения на работу мне надо беречь каждый цент, поэтому предложила свои услуги по уборке сада и присмотру за ребенком хозяйке дома в обмен на бесплатное проживание. В общем, последние месяцы в Ванкувере перед окончанием

курсов языка промелькнули как один суматошный дождливый день.

Но один момент мне запомнился особенно ярко. Момент, когда спустя три месяца учебы я вдруг начала понимать, о чем говорят люди в автобусе. Радостное удивление: как же я раньше не понимала английского? Это же так просто! Однажды поймать ощущение, что ты понимаешь новый язык, вернуться в прошлое, где ты говоришь всего на одном языке, где у тебя всего одна родина, одна правда и одна история, уже невозможно. Более того, у меня возникло ощущение, что я знала английский всегда, просто мозг очень противился убрать барьеры внутри, чтобы разрешить себе его знать.

Возвращаясь с ночной работы официантки в ресторане и отмывая чужие туалеты вместе с Дженнифер, не брезгуя иногда даже взять еду для «бедных» в супермаркете из благотворительных корзин, я будто совсем забыла ту свою реальность, где ездила на высоких каблуках и с макияжем на машине, работала с руководителями компаний и жила в собственной квартире. Я будто вышла из какой-то гонки соответствия, из гонки, где я вечно не успевала то выйти замуж, то стать успешной, то вовремя сменить машину. Мне было постоянно стыдно. Стыдно, что я разведена. Стыдно, что живот не идеальный, вещи смялись, телефон не последней модели. Я и не заметила, как стыд стал моей тенью, которая следовала за мной, постоянно оценивая и сравнивая меня с другими.

Чувство стыда впервые пришло ко мне лет в девять, в детском лагере у моря. Жили мы бедно. А еще маму напугали, что в лагере воруют, поэтому она мне выдала самую старую одежду, которую не жалко, и не дала денег с собой.

В то время главной мечтой советского ребенка была жвачка Love is. Дети тратили все карманные деньги на эту радость. А я лишь с жадностью рассматривала витрины и вдыхала клубнично-банановый аромат изо ртов счастливиц.

Но однажды удача заглянула и на мою улицу: я нашла чью-то пожеванную жвачку на асфальте и по запаху поняла: это ОНА. Отмыв ее в раковине, я наслаждалась заветным послевкусием. Ночью хранила ее на полочке у кровати.

Счастье было недолгим: утром меня разбудила группа детей. «Ты воровка! У меня пропала Love is, а твоя жвачка так пахнет.

Мы знаем, что у тебя нет денег! Как ты могла?»... Моя правда сжигала меня. Признаться, что подняла жвачку с пола, было тяжело. Я молчала.

Мне был объявлен бойкот. Со мной не разговаривала ни одна живая душа. И находиться одной в лагере стало бы адом, если бы не море.

Мама мне дала с собой лишь плавки, видимо, не заметив в суете дел, что я становлюсь девушкой и у меня появилась грудь. Ходить с острыми набухшими сосками было, конечно, невозможно стыдно. А майки надевать не разрешали.

Но купаться хотелось больше. Поэтому, когда дети дружно забегали в море, я ложилась на песок и делала вид, что играю, потихоньку ползком продвигаясь на животе к морю. Так я доползала до воды. И купалась.

Когда дети увидели меня, ползущей к морю, меня стали считать не только воровкой, но и сумасшедшей. Страшное, безвыходное одиночество испытывала я тем летом. Телефонов не было, как связаться с домом, я не знала.

В один из дней мне в еду налили компот, а на мои попытки возмущаться самый популярный мальчик в лагере начал насмехаться надо мной, изображая мое заикание. В детстве я сильно заикалась. Хохотала вся смена.

Жгучая обида и отчаяние! Вот все, что помню. А дальше совершенно неожиданно для себя я схватила стоявшее рядом железное ведро и начала избивать им обидчика. Молча. Яростно. Весь лагерь замолчал. Молчал и тот мальчик. Выше меня на голову и старше на несколько лет. Его будто парализовала моя ярость.

Потом я ушла под молчаливые взгляды толпы. На своей кровати в темноте одиночества мне стало ещё хуже. Я никогда не знала себя такой. Никогда не была обвинена в воровстве и никогда не испытывала такого унижения от того, что не могу исправить. Я неудачница!

Когда я проиграла все, когда я уже оказалась на самом дне, как поддержка пришло странное чувство. Признав свое поражение, я словно перестала зависеть от мнений и сплетен. Так я впервые познакомилась с ощущением свободы.

Именно в такие моменты чувство стыда и ошибок переходит в странное жгучее тепло. Это та точка, где начинается настоя-

щая любовь к себе. Ведь точка стыда зачастую и есть та дверца, где можно наконец коснуться себя и познакомиться.

Я стала есть вдаль от всех, без стыда ползала на животе к морю, а вечерами вместо лагерных развлечений читала. Однажды вечером ко мне подошел тот самый мальчик, извинился и признался в любви. Я была настолько ошарашена его признанием, что долго еще сидела под звездным южным небом, пытаюсь объять случившееся. Лишь потом поняла, что именно вот такой выбор себя в любых обстоятельствах и есть тот самый афродизиак, мимо которого не пройти.

Тогда в лагере был сделан главный жизненный выбор. Боясь насмешек, я могла бы остаться в тени, остаться на берегу и не купаться. Но тогда я выбрала себя. И если в индейском трайбе мне давали бы имя, я выбрала бы это: Девочка, которая ползет к морю. Наверное, поэтому прилететь в город у океана и стало моим спасением.

Как самолет в катастрофу, использующий топливо из запасных баков, я начала использовать силы, запряженные в чувстве стыда, для выживания. Однажды поняла, что стыда во мне больше не осталось. Более того, я увидела, что представления об успехе и счастье, с которыми я выросла, на самом деле лишь инструменты контроля людей. Стыд и страх быть изгоем — этакий серый кардинал нашей цивилизации. Спустившись в самый низ общественной лестницы в новой стране, я получила главный подарок эмиграции: понимание, как часто дома, рассматривая зад стоящего повыше на лестнице успеха, я забывала смотреть по сторонам, любуясь красотой каждого дня, который всегда щедр ко всем, независимо от того, где и с кем ты этот день встретил.

У меня не было никакого плана на эмиграцию, а тем более денег.

Но узнав, что канадский паспорт я смогу однажды дать сыну, а также зарабатывать в долларах и оформить медицинскую страховку семье, я решила, что в моей ситуации эмиграция будет разумным выходом. Надо же что-то делать со своим телом, когда жизнь потеряла всякий смысл?

А в моем случае единственным способом эмигрировать было через учебу.

Мне хватило всего пары месяцев, чтобы насладиться океаном, новыми запахами и удивлением от того, что подарил мне мой поступок.

Гораздо чаще я испытывала тошноту и отчаяние, приступы ужаса и ощущение падения в какую-то бесполезную воронку дней. Мой родной город и обстоятельства словно выдавили меня из себя без остатка, словно скряга зубную пасту из тюбика, не оставив в нем ни капельки, зацепившись за которую я могла бы вернуться. В каком-то смысле одиночество среди чужих людей на чужом языке было чуть легче, чем одиночество среди своих.

Из девочки, которая ползет к морю, я стала девушкой, которая однажды, собрав всю жизнь в один чемодан, долетела до океана.

Плакать по-настоящему можно только дома.

ГЛАВА 3 ПЕРЕЕЗД В КУТНЕЙ

Знакомство с духоборами

Случай играет в судьбе разных людей разную роль, но чаще всего самые затейливые повороты в жизни случаются именно благодаря ему. До сих пор помню тот декабрь: прошло три месяца с момента моего приезда в Канаду, заканчивалось обучение в школе английского, а также виза и, главное, деньги. Получить рабочую визу можно, лишь начав учиться. Да и учеба — это единственный легальный способ эмиграции, если твои профессиональные навыки стране не интересны.

Плана у меня по-прежнему не было, но из Канады уезжать не хотелось, а оставаться в Ванкувере было не по карману. Однажды на урок английского к нам зашла улыбчивая женщина, представитель колледжа, расположенного в самом сердце Британской Колумбии.

«О, ты русская! Тогда тебе точно надо в наш колледж: он построен на земле русских духоборов. А еще у нас самые невысокие цены по Канаде и прекрасная бизнес-программа!» — радостно улыбаясь, сообщила Элиза. Недорого и бизнес-программа — это единственное, что заинтересовало меня тогда, мое сердце совершенно не екнуло при упоминании духоборов. Но как потом ока-

залось, именно встреча с ними стала судьбоносной во всем моем канадском приключении.

Так я впервые и оказалась в канадской глубинке.

Была зима. Я сняла по объявлению комнатку в подвале, поступила в колледж и отправилась в десятичасовое путешествие на автобусе в полную неизвестность. В России я выросла на юге, в Ванкувере осень и зима тоже, как и дома, не снежные, поэтому, когда я въехала в заснеженное лесное царство вековых канадских лесов, мне казалось, что я попала в детскую сказку. И, как у всех героинь сказок, у меня даже не было ни теплых сапог, ни карты леса и никакого волнующего предчувствия, что эта затерянная среди гор и лесов земля подарит мне однажды успокоение, профессию и даже сына.

Выйдя на заснеженный вокзал одна с чемоданом, я растерялась. Городок оказался бесплодной унылой деревенькой. Испугаться я не успела: нужны были силы тащить чемодан к новому дому по снегу, искрящемуся в свете уличных фонарей.

На следующий день я вышла в магазин за продуктами и услышала там сказочный старинный русский говор. «Доченька, да никак ты нашенская? — спросила меня продавщица в магазине на удивительном русском языке, который я слышала только в старинных сказках. — Борща хочешь? В холода-то в охотку он идет! Я ищо отвар тут сготовила и сносочки есть мои, домашние. А меня Катей величать. Туточки Келли зовут», — радушно представилась кудрявая круглая женщина, называя сносочками яйца.

Мне казалось, я сошла с ума. Сплю. Брежу. Я ожидала от чужой страны на другом континенте всего, но только не того, что меня перенесут в Россию времен Льва Толстого. До Канады я никогда не слышала об этих людях, которых лишили русского гражданства за то, что они отказались идти в армию и убивать. «Духоборы — люди третьего тысячелетия», как писал о них Лев Толстой. Именно они стали причиной того, что великий русский писатель стал вегетарианцем и впервые взял деньги за свою книгу, чтоб помочь духоборам переехать в Канаду. На деньги от книги Льва Толстого «Воскресение» духоборы смогли нанять корабль и уехали из России, сохранив глубокую любовь к родине, тоску по ней и по русскому языку. В Канаде, где их сначала приняли тепло, потом испугались их сплоченности и желанию обу-

чать детей только в своих школах, поэтому силой стали забирать детей из семей. У духоборов отняли и родину, и детей, и надежду на простую жизнь в новой для них стране. Осталась только вера. Вера, что Бог внутри. Он всегда с тобой. А труд и мирная жизнь — это и есть главные радости жизни. Духоборы были вегетарианцами, миротворцами и трезвенниками с очень твердыми ценностями. Они все вместе отказались идти в армию в России, устроив костер из оружия, выданного им государем. Этот костер окружили все жители поселения, поставив в центр детей и женщин, а мужчины защищали их своими телами снаружи. Государственные служащие иссекали их плетями и забивали камнями, но отправить в армию так и не смогли. Поэтому издали приказ о лишении российского подданства и выдворили из страны. Так и оказались духоборы однажды в горах Британской Колумбии, назвав один из хуторов «Утешением». А спустя много десятков лет хутор Утешение и вся волшебная земля Кутни стали и моим новым домом.

Однажды я забрела на пустынный остров, на который меня привел подвесной мост, и обнаружила там покосившуюся деревянную церквушку. Присела на такую же покосившуюся лавочку и впервые за полгода заплакала.

Я и не знала, какими сложными для меня были эти первые месяцы в Канаде.

Я и не знала, насколько сильно тосковала по сыну, по тебе, любимый, по родным.

Я и не знала, насколько это дорого — говорить на своем языке и быть понятым.

Я и не знала, как страшно быть одной на чужом континенте.

Я и не знала, насколько устала.

Слезы текли, будто весенний сок по стволу березы. С тех пор, как я потеряла ощущение дома, я ни разу не плакала. Ведь плакать по-настоящему можно только дома.

Мне никогда не было стыдно плакать, я вообще люблю все, что течет. Кровь по жилам, слезы по щекам, реки по долинам. Когда ты можешь плакать, утешение уже рядом. Гораздо страшнее, когда плакать не можешь.

Обменяв туфли на каблуках на теплые сапоги в секунд-хенде, чтобы ходить по заснеженной железной дороге на автобус в колледж, я начала учиться. В классе было много ребят из Индии,

Японии, Китая, Европы и Канады. Вдруг из уставшей женщины со сложной судьбой я получила шанс стать просто студенткой. Моя маленькая келья, простая белая кухонька, купленный с рук за 60 долларов велосипед и прекрасная библиотека колледжа, лесные тропки и Радж, друг из Индии, с кем мы делали математику, та самая Катя — любимая продавщица-духобор в магазине, с которой мы подружились в первый день, — все это стало моей маленькой семьей и домом в затерянном среди гор городке.

Если бы не телефонные звонки домой, если бы не тяжелые сны, если бы не странное ощущение, что тебе дали новую жизнь, но память о старой стереть забыли, то мой мир стал бы очень уютным. Бедность на грани с нищетой подарила еще один бесценный подарок — знакомство с собой и свободу, которая бывает, когда тебе нечего терять.

Однажды ко мне в подвал подселили такого же нищего, как и я, колумбийца Гильермо.

«Ты знаешь, я не выдержал напора мафии в Колумбии и сбежал в Канаду. На родине мое творчество под запретом, но я однажды напишу ее — такую книгу, которая расскажет о моей прекрасной Колумбии и Боготе так, как никто раньше не мог», — увлеченно рассказывал о себе мой новый сосед. Гильермо был мужчиной лет сорока пяти, с непослушным мальчишеским чубом, глазами фантазера и южноамериканской горячностью. Интересно, почему люди, которые продолжают мечтать, выглядят моложе?

Гильермо вложил последние деньги, как и я, в обучение. Он учился на шофера грузовика в зимних условиях, надеясь зарабатывать много денег водителем фуры.

Когда мы впервые поехали на его стареньком «форде» за продуктами, я подумала, вжавшись в кресло машины: «Хоть бы судьба была к нему благосклонна и он стал писателем, как мечтал». Тормозить на льду этот горячий колумбийский мачо не умел, поэтому однажды на повороте нас закружило вокруг оси, и мы чудом избежали аварии, остановившись буквально в нескольких миллиметрах от столба.

В эмиграции я не раз видела, как причудливо складывались судьбы тех, кто на нее решился. До какого отчаяния должен был прийти человек, который ни разу не видел снега, чтобы учиться на водителя грузовика в снежном высокогорье?

Наша бедность, неуверенность в завтрашнем дне, любовь к книгам и общая кухня создали такой уникальный дружеский тандем, который помог и ему, и мне прожить эту зиму чуть веселее и вкуснее, чем в одиночестве.

Однажды субботним утром Гильермо постучался в мою комнату с предложением покараулить, пока он будет ловить рыбу на самодельную удочку, я восприняла эту затею скорее как приключение и, конечно, согласилась. Чтобы ловить рыбу в Канаде, нужна лицензия. На нее у нас денег не было, да и удочек не было, поэтому мы пошли по снегу в самую чащу леса, чтобы найти безлюдные берега.

Гильермо уходил к реке, бывало, на несколько часов, а я сидела в лесу, карауля спуск к воде, чтобы колумбийского рыбака никто не увидел.

Погружаясь в жизнь леса вокруг и забывая о себе, не раз наблюдала, как все вокруг начинает оживать. Там сойки ворчат, словно надоевшие друг другу супруги. А вот белка, перестав бояться, деловито грызет шишку прямо у твоих ног. Новые и новые слои реальности открываются перед тобой, будто слой за слоем снимаемая пелена с глаз.

Как же ты не замечала раньше этих следов оленей на снегу? Как же ты не замечала раньше, как красива эта малышка — красная ягодка во мху?

А потом вдруг исчезает и это «я». И ты просто становишься потоком жизни и радости. Ты жива, и лучше этого нет ничего! Как и лес, где каждый живущий играет свою партию в оркестре жизни, так и ты погружаешься в свой природный ритм. А клетки нашего тела настолько мудры, что начинают восстанавливаться и исцелять себя сами, как только ты начинаешь жить в своем уникальном ритме. Мы живем обычно на таких скоростях, что тело не только не успевает исцелять себя, оно даже высыпаться толком не успевает. Об этом я узнала позже, обучаясь на лесотерапевта. А тогда мои первые сессии настоящей лесотерапии случились спонтанно, когда я сидела на пеньке среди дикого леса и поджидала своего товарища по маленькой авантюре.

Поймал Гильермо рыбу или нет, знала всегда по звукам шагов: ох уж эта мужская зависимость от результата! Гильермо или легко, как олень, взлетал по снегу, если шел с рыбой, или тяжело ступал, если без нее. Чаще он ступал тяжело.

Но если нам везло и у нас была рыба — поверьте, вкуснее рыбы не пробовала!

Пировали мы и ухой в лесу, и запекали рыбу в духовке, отсылая щедрые благодарности духам леса и реки. А потом Гильермо играл колумбийские песни на гитаре, и спать я шла счастливая, как после приема у английской королевы.

Канада — происходит от слова Kanata (деревня, поселение) на языке ирокезов. И на самом деле, если не брать во внимание небольшое количество городов-миллионников с метро, высотками и «цивилизацией», Канада — довольно деревенская, простая страна без изысков. Страна для простых радостей жизни: подняться в гору, поплавать летом на каноэ, замечать стать учителем и стать им, печь печенье детям, изучать какую-то невыгодную в современном мире штуку, типа как первобытные индейцы выпиливали тотемные столбы. Канада может показаться — и точно покажется — скучной тем, кого вдохновляет мировая слава, «американская мечта», деньги, блеск светских приемов, роскошь и разнообразие архитектуры. Все это на гораздо более развитом уровне найдется в Нью-Йорке, Лондоне или Москве.

Канада — совсем про другое. Она про то, как люди до дыр снашивают какой-нибудь шерстяной свитер, связанный их бабушкой, а в протертом рюкзаке старенькая железная бутылка для воды: просто не хотят мусорить странные создания с кольцами в носу.

Когда работала в салоне автомобилей в Канаде, была удивлена, сколько людей десятилетиями не меняют машины из соображений экологии, экономии и привязанности к железному коню. Меня поначалу корбила канадская простота. Особенно у женщин. После Москвы и моего родного города, где от машины до ногтей в женщине все должно было соответствовать чему-то и кому-то, но явно не заработной плате, я была удивлена, что в благополучной Канаде все иначе. А потом мне понравилось. Понравилось, что можно не думать о макияже каждый день, а делать его, когда душа просит, что можно не стесняться ни машины, ни статуса, ни своих странных желаний. Можно сказать, что именно благодаря такой атмосфере во мне стала оживать забытая с детства любовь к книгам, письму, приключениям, природе.

Канада настолько тебя ни к чему не призывает, ничего не обещает, не хвалит и не манипулирует, что это сначала похоже на ломку отказа от сахара: как это так жить не для признания общества, не для внимания, не для успеха и известности? Не для всех этих приправ к блюдам жизни. А просто жить: носить удобное, учить интересное, жить как живется.

Конечно, это не совсем относится к мегаполисам, это скорее мой опыт проживания в маленьких городках Канады: есть совершенно простые и скучные, но некоторые, как Нельсон, Тофино и другие малыши, — удивительное сочетание цивилизации, дикой природы и детской мечты.

В этих городках я встретила множество взрослых, не предавших свои детские мечты. Вот, наверное, если коротко назвать главное о встреченных канадцах: это люди, не предавшие свои детские мечты. Такие чудачки есть везде по миру, но Канада однозначно их земля.

Канада, конечно, страна эмигрантов. Это я особенно ясно поняла, когда началась учеба в колледже. Стайки худеньких японских студенток, вежливых, хихикающих и бесконечно милых в привязанности к своим игрушкам, сумочкам и телефонам. Яркие группы студентов из Индии: кто-то в тюрбанах, кто-то в повязках с бинди, яркой цветной точкой на лбу, а кто-то просто в браслетах. Сдержанные китайцы, которые всегда выполняли вовремя все задания, были очень вежливы и серьезны. Красавцы хоккеисты — канадцы, которые ходили плечистыми спортивными группами и флиртовали с девчонками на переменах в кафе. Редкие южноамериканцы и африканцы долетели до гор Британской Колумбии, но были и они, и я жадно впитывала истории их стран и культуру. Я познакомилась с людьми со всей планеты, которые также впервые оказались вдали от дома в новом языке и новой обстановке.

На наших вечеринках в комнатах общежития меня иногда охватывало переживание, что я на ковчеге Ноя, который дрейфует в неизвестность. На кухне студенческого общежития было собрано так много культур со всего мира, и каждый щедро делился историями, едой и поддержкой.

Первые недели мне все же хотелось сбежать. Учеба за полгода стоила всех моих денег на кредитной карте, учиться надо было два года, чтобы получить диплом и подать документы на рабо-

чую визу. Где найти денег на оставшиеся полтора года и готова ли я жить так долго в глуши одна?

Бродя по колледжу среди студентов из других стран, в большинстве своем гораздо младше меня, я не совсем понимала, хочу ли я учиться тут и какое меня ждет будущее. Две недели я ходила перед кассой колледжа и не могла решиться отдать последнюю финансовую опору, сняв все деньги с кредитной карты на обучение, и в итоге оказаться в полной неизвестности и беспомощности перед будущим.

Однажды мы сидели с моим другом Раджем, умным, смешливым индийцем лет сорока, который, покинув Индию в двадцать лет, уже давно стал человеком мира.

«Радж, это все мои деньги. Даже не мои, а банка. Я не понимаю, что я делаю. Может, мне лучше полететь домой, пока не поздно?» — спрашивала я его за ланчем между занятиями.

«И что будет дома, знаешь?» — внимательно глядя мне в глаза, спросил Радж.

Я радостно начала перечислять, что я могла бы работать на своей работе, может, снимать комнату и даже однажды взять еще одну ипотеку. В тот момент я действительно готова была уехать.

«Слушай, если я что-то понял о жизни, то это то, что из двух дорог всегда лучше выбирать ту, которая не повторится. Где больше волнения, влечения, страха. Секса, одним словом. Секса с жизнью. Обычно там больше приключений и меньше сожалений. А взять ипотеку ты всегда успеешь», — хитро подмигнул он мне и ушел на занятия.

В тот день я отдала все деньги в кассу колледжа. И с тех пор в моей жизни определенно появилось больше приключений.

Приключением всегда была сдача зачетов и экзамены.

Я ходила на все занятия, выполняла все задания, но все же не понимала большей части того, что говорили преподаватели.

Благодаря сильной математической подготовке, полученной в России, цифры покорялись мне легко, а вот все, что касалось макроэкономики, юриспруденции или проведения презентаций, было мукой. Я просто не понимала даже того, что у меня спрашивает преподаватель.

Первым на презентациях обычно ставили на балл выше. По этой причине я была везде и всегда первой.

До сих пор помню первую презентацию по макроэкономике. Вызвалась выступать первой, готовила слайды всю ночь, а на саму презентацию надела красное шерстяное платье, вплела красные цветы в волосы и впервые надела шпильки. В нашем тихом колледже, укутанном в снега, все приходило на занятия тепло и удобно, часто даже в лыжных брюках и шапке, а иногда и в пижаме.

Мне же хотелось отвлечь внимание от своего английского, поэтому, когда я вплыла в класс, покачиваясь, как морячок по палубе, на шпильках, от которых успела отвыкнуть, в классе стало тихо. Студенты оторвались от телефонов, преподаватель с любопытством смотрел, явно предвкушая, что же поведает эта жар-птица. А я, забыв обо всех страхах, начала веселиться, выпустив этим красным платьем свою игривость на волю. И пусть я не знала хорошо их языка, но, летая по сцене от слайда к слайду, словно танцуя, я точно понимала, что внимание аудитории было моим. А не это ли важно в любой презентации, да и в жизни?

Когда закончились мои слайды, преподаватель экономики захохотал, а студенты захлопали. Зачет был сдан. Но главным было другое: за что я была гонима дома и из-за чего казалась странной, именно за эти качества меня считали тут уникальной, необычной и креативной. Я вдруг перестала быть женщиной со сложной судьбой, а стала храброй девушкой с интересной жизнью. Начав учиться в колледже другой страны, я вдруг получила вторую юность и шанс переписать свою историю заново.

Хватая рюкзаки после пар, мы с подругой из Индии шли и мечтали о будущем, как школьницы.

—Я хочу объехать весь мир, взять интервью у Бьорк и Киану Ривза, — радостно фантазировала я, будто мне пятнадцать.

—Я, если честно, хочу замуж и открыть приют для сирот, — отвечала индуска.

—Ох! Я не знаю, что скажут мои родители на такое! Но я, наверное, хотела бы открыть свой театр теней в Канаде, — добавляла японка.

—А мне не хватает вечеринок! Я хотел бы быть владельцем ночного клуба, — делился парень из Бразилии.

Я вдруг попала в пространство, где все можно и ничего не поздно.

Ежедневно в автобус к нам подсаживалась забавная пара: пожилая бездомная старушка со связкой алюминиевых банок из-под содовой и пива размером с велосипед (эти банки она собирала по мусоркам и сдавала как приработок) и солнечный паренек (так в Канаде называют людей с синдромом Дауна). Они пели песни, болтали и смеялись на весь автобус.

Это были самые счастливые люди, которых я встретила.

А пассажиры автобуса, часто банкиры, преподаватели, студенты, поддерживали с ними разговор, рассуждая о погоде, новостях или просто о вчерашнем ужине.

Наблюдая за этим парнем с синдромом Дауна, за его умением радоваться снегу, дождю, новому свитеру, петь без стыда и восхищаться бутербродом, я подумала: «А может, это у нас, «нормальных» людей, на самом деле ограничены возможности? А может, те, кто вгоняет в рамки себя и других по гендеру, возрасту, национальной принадлежности, и есть те самые люди с ограниченными возможностями восприятия жизни во всем ее разнообразии?»

«А может, и со мной всегда было все в порядке?» — начала закрадываться бунтарская мысль в мою голову.

Быть собой оказалось вдруг так просто!

Никто не спрашивал, замужем ли я, сколько у меня детей, кем работаю.

«Что ты читаешь, взбиралась ли ты на ту гору, как прошел экзамен?» — интересовались попутчики моего автобуса тогда. И я с огромной радостью отвечала.

Мое первое образование случилось одновременно с рождением сына и прошло как во сне, зато во время этой учебы, погрузившись в прекрасную библиотеку колледжа, я наконец училась в полную силу. Каждая книга манила удивительной историей, каждый атлас — путешествием, а новый язык — инсайтами и друзьями. В библиотеке я проводила все дни до закрытия колледжа: во-первых, у меня не было денег на свои учебники, во-вторых, дома, в каморке было темно и уныло, а в-третьих, в суете своей прошлой жизни между работами, войной за сына и его воспитанием я совершенно забыла о том, как люблю учиться.

Сделав задания по учебе, я бродила между книжными рядами и впитывала новые названия, новых авторов, исследования.

Жизнь вдруг стала казаться такой огромной и бездонной, а каждая книга, как портал, вела в новую вселенную — вселенную своего автора.

Вечерами чаще всего я ехала домой на последнем автобусе, хрустела снегом в темноте, что-то ела и ложилась спать. Сундуки с мыслями и страхами раскрывались внутри, как только я закрывала глаза. Но в ту пору я научилась еще одному важному умению, которое рекомендую взять во времена пересадок: закрывать сундуки своих мыслей. Прямо нажимать на крышку и усилием захлопывать сундук с мантрой «подумаю об этом завтра». Я просто не позволяла себе бояться.

В те дни меня часто просили рассказать мою историю и почему я оказалась в Канаде.

Мне всегда было сложно ответить на этот вопрос — ведь если бы не одна случайная встреча с одним мальчиком в школе много лет назад, я оказалась бы где угодно, но не в Канаде.

Эту встречу я как сейчас помню.

Если читатель мне позволит, я введу еще одно обращение «ты» в мою книгу. Так я буду обращаться к тому мальчишке из детства, без которого эта история и не случилась бы. Я не решусь называть его имя в книге без спроса, а такие избитые обращения, как «любимый», мне не нравятся и самой.

Мы встретились случайно, когда нам было лет по двенадцать. Тогда я случайно перепутала школы и пришла к тебе в класс. Я этого не помню, это рассказал мне ты однажды. Так началась череда странных случайных встреч с тобой. Их было не счесть.

Однажды ты пригласил меня на вечеринку к себе домой. И вот там-то я влюбилась. Влюбилась в то, как бережно ты танцевал со мной, как показывал фотографии своей семьи, заправляя за ухо непослушные волосы длинными музыкальными пальцами, как наливал чай и внимательно выслушивал все мои истории. Мне кажется, меня никто никогда так не слушал до того дня.

Твои движения были расслабленно-сконцентрированными, как у гепарда. Я помню, как поражена была, когда увидела, как ты учишься играть на скрипке: рассматривая, как музыканты играют в телевизоре, ты учился музыке. Во время нашего детства не было интернета, поэтому научиться играть

любимую музыку можно было только так: подсматривая за любимым исполнителем. А я любила подсматривать за тобой. Я никогда в жизни не любила никого рассматривать так, как тебя.

Назвать тебя красавцем я не могу. Красивого в тебе был только глубокий внимательный взгляд и руки. Но в то же время красиво было все: небрежно завязанные кеды, отросшие волосы, спокойная, даже немного презрительная уверенность в себе на людях и невероятная чуткость, забота и глубина размышлений, когда мы оставались вдвоем.

Но на самом деле сама до сих пор не могу понять, что меня в тебе привлекало. Ты был словно ключик от огромного механизма внутри меня, о котором я раньше даже не подозревала, не знала, что он там есть. Это оказалось даже страшно: словно ты заводная кукла, которая машинально ходит на учебу, улыбается одноклассникам, делает уроки. А однажды встречается мальчик, который просто внимательно смотрит в твои глаза, и ты оживаешь.

Когда ты был рядом, во мне не оставалось ничего механического. Когда ты был рядом, мы постоянно играли, говорили и исследовали мир.

Я помню один зимний вечер, когда мы встретились на берегу озера и не заметили, как вышли далеко за пределы города, разговаривая обо всем на свете. Когда поняли, что заблудились, мы забрались на старую башню, которая раскачивалась на ветру, чтобы осмотреться и понять, где мы. Ты бережно поддерживал меня за плечи, а я очень боялась. Железная башня раскачивалась из стороны в сторону, город блестел огнями вдалеке, ты обнял меня тогда впервые, желая защитить от ветра.

«Мне кажется, мы так стояли вечность. Все, что было до тебя, кажется просто сном теперь», — прошептал ты мне на ухо. И именно это ощущение остановки времени, такое огромное, такое необъятное для девочки в четырнадцать лет, и было тем самым основным чувством. Словно ты — единственное в моей жизни, что никогда не кончалось и не начиналось.

Это не похоже было ни на первую влюбленность, ни на страсть. Мы спустились с башни притихшие, молча нашли трамвай. Ожидая трамвай, ты вдруг исчез на несколько минут и вернулся довольный, с орхидеей в руках.

«Ты мне очень напоминаешь эту орхидею, так непохожую на все цветы в оранжерее. Не удержался — купил ее. И потратил все деньги! Ты же не против, если мы поедем сзади трамвая?» — тут ты, взяв меня за руку, усадил позади трамвая на железный выступ и сел рядом сам, закрывая меня от ветра всем телом. Мы приехали домой в полночь. Меня, конечно, ругали родители. А я, заперевшись потом в теплой ванной, начала впервые в жизни писать дневник. Именно благодаря встрече с тобой я начала писать.

С тех пор было много прогулок, игр и разговоров. Мы почти не общались в школе, встречаясь обычно за ее пределами. Мы говорили о музыке, о смерти. Но никогда не говорили о любви. Мы словно не хотели пускать никого в тот мир чудес, где находились. Ни людей, ни слова.

А потом наступило лето. И мы разъехались по разным городам. В то время не было телефонов, поэтому мы просто перестали общаться. Я перестала вести дневник. В том месте, где раньше был ты, образовалась огромная дыра. Я и не знала, как была счастлива с тобой, пока не узнала, что такое мир без тебя.

Это было бесконечное одинокое лето в деревне у бабушки. Этим летом расстались впервые не только мы с тобой: покинуло меня и детство.

Я плохо помню следующие годы школы. Помню только, что больше мы никогда не гуляли вместе. Я была слишком горда, чтобы спросить, почему мы не общаемся. А тебя словно что-то сдерживало внутри, чтобы подойти ко мне. Как я узнала позже, сдерживало тебя знакомство с другой девочкой этим летом, которая стала однажды твоей женой.

Незаметно закончилось школьное время. Последний раз мы говорили на выпускном балу. Сначала ты меня пригласил на танец, а потом мы и вовсе сбежали ото всех на чердак дворца, где и встретили рассвет. Было удивительное чувство, что расставания и не было. Первый поцелуй. И слезы. Слезы страха и волнения перед такой огромной жизнью впереди.

А спустя время узнала о твоей помолвке. Мое сердце тогда вывалилось из меня где-то, да я и не жалела. Без сердца жить оказалось гораздо легче.

Спустя несколько месяцев, в семнадцать лет, я встретила своего будущего мужа, будущего папу моего сына. Он первый муж-